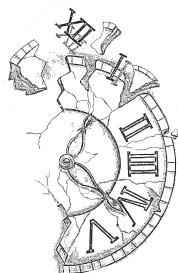

*Мозг контролирует боль, мозг контролирует
страх, любовь, сон, голод, гнев, все чувства.
А если контролировать его?
«Остров проклятых»*

Пролог

*Ты никогда не узнаешь границы
своего безумия, пока не встретишь того,
кто сведет тебя с ума...*

Нсейчас он меня точно прикончит. Этот приговор я читаю в обращенном на меня ледяном взгляде. Смотрю в глаза личного дьявола и тону. Глубокая синева затягивает меня, как водоворот, беспощадно и неотвратимо. В этих глазах — моя кара. Все, что я заслужила, и все, чего так отчаянно боялась.

Кэллум не произносит ни слова, но его взгляд говорит громче любых фраз. Он знает. Знает каждую мою слабость, каждую трещину в броне, которую я старательно наращивала годами. Его власть надо мной абсолютна и необъяснима — как гравитация, как смена времен года, как неизбежность рассвета после самой темной ночи.

Воздух между нами сгущается, становится тяжелым, почти осязаемым. Я чувствую, как его присутствие подавляет меня — не физически, но на каком-то глубинном, почти первобытном уровне.

Пощады не будет. Я понимаю это с кристальной ясностью, от которой внутри все сжимается в тугую узел.

Инстинкт самосохранения вспыхивает во мне последней искрой сопротивления. Я резко поднимаюсь, готовая бежать, спастись, исчезнуть — куда угодно, лишь бы подальше от этого взгляда, от этого человека, от собственных предательских желаний.

От выстрела, который едва ли будет холостым.

Но Кэллум движется быстрее — молниеносно, как хищник, годами выслеживавший свою добычу. Миг, и я оказываюсь прижатой к столу. Его руки на моих бедрах ощущаются как стальные кандалы, горячие и неумолимые. Металл столешницы впивается в кожу, но эта боль ничто по сравнению с огнем, который разгорается внутри от его прикосновения.

Ненавижу его в этот момент. Ненавижу за то, что он видит меня насквозь. За то, что знает, как сильно я хочу сопротивляться — и как жажду сдаться. За то, что в его руках я становлюсь той, кем всегда боялась быть — уязвимой, открытой, настоящей. Ненавижу за власть, которую он имеет надо мной.

Его дыхание обжигает шею, и я закрываю глаза, осознавая, что бежать некуда. Невозможно сбежать от самой себя.

— А теперь, принцесса, моя очередь стрелять, — ядовитый голос Торнтонна будто течет по венам, и в следующую секунду я ощущаю ледяное дуло пистолета, приставленного к виску, и холодное прикосновение металла ужасает, а время растворяется в пространстве.

Он скользит им по моей коже почти ласково, интимно — это точка соприкосновения наших судеб, место, где сходятся все мои страхи и его власть.

Легкие сжимаются в сладкой агонии, отказываясь принимать воздух; сердце бьется в такт его дыханию, которое я ощущаю на своей шее. Один. Два. Три... Я считаю удары, наслаждаясь и страшась каждого. Близость Торнтонна

невыносима... и жар его тела, и то, что он ощущается огромным и необъятным, возвышающимся надо мной.

Стоять перед ним в такой уязвимости — все равно что смотреть, как поднимается гребень волны перед сокрушительным цунами.

— Давай, убей меня, — шепчу, и голос дрожит, пока я сражаюсь со страхом и невольным возбуждением.

Торнтон улыбается, приближая губы к моему уху. Голос его — бархатный яд, проникающий под кожу.

— Ты слишком долго избегала меня по-настоящему, Аврора. Слишком жадно искала укрытие. А теперь... теперь ты моя.

Он отводит пистолет, позволяя мне сделать вдох, и снова прижимает металл к коже — теперь к шее, прослеживая линию пульса.

— Если все равно сделаешь это, не томи, — выдыхаю я, запрокидывая голову, подставляя горло в жесте, балансирующем между капитуляцией и вызовом.

Вот и все. Конец игры.

Глава 1

Аврора

К смерти родителей невозможно быть готовой.

Как минимум это ощущается ударом под дых, как максимум — смертоносной молнией, испепеляющей до костей.

Мне достался второй вариант, поскольку они не оставили мне даже предсмертной записки перед тем, как добровольно уйти из жизни. Вместе.

Вместо этого они завещали мне не только огромные долги семьи Хейз, но и тысячу немых вопросов, которые вот уже несколько недель душат меня, не дают спать, медленно уничтожают изнутри.

Вопросов тысяча, но смысл один: как они могли так поступить со мной?

Добровольно уйти из жизни, не оставив предсмертной записки, и сделать это в тот момент, когда я только начала оправляться после исчезновения Лиамы. Если бы сестра была рядом, возможно, я бы смогла пережить это.

Но сейчас мне кажется, что такое пережить невозможно. Чувство вины сжирает меня изнутри настолько сильно, что я опустила до того уровня, что стою в коридоре психиатрической клиники прямоком за дверь кабинета, в котором идет собрание психологической поддержки из фонда по предотвращению *подобных случаев*.

Здесь собрались люди, находящиеся в глубокой депрессии. Я не могу произнести это слово на букву «с» даже в своих мыслях, поэтому называю другим словом на «с» — случай.

Только когда твои родители осознанно уходят из жизни, это не случай, черт возьми. Это, мать их, решение.

Нервно сглатываю и, наклонившись, с отчаянным выдохом впечатываюсь лбом в ближайшую стену. Тело вздрагивает, будто не принадлежит мне, и резко разворачивается на сто восемьдесят градусов, словно сам дьявол хватается меня за плечо и бесперемонно крутит, как тряпичную куклу. Ледяная стена обжигает спину, и я скатываюсь вниз, оседая на пол и обхватывая колени руками. Взгляд устремляется в никуда, реальность расплывается перед взором. Чувствую себя оболочкой, аватаром, лишенным содержания. Огонек, который когда-то горел внутри, окончательно погас, оставив вместо себя лишь холодную пустоту.

Какое страшное слово «никогда».

Мне никогда не выплатить эти долги.

Я никогда не получу объяснение родителей, ответ на банальный вопрос «Почему?», и я никогда больше не увижу свою сестру, с которой поссорилась в день ее отъезда. Я уже не верю, что она хочет меня видеть, даже если жива.

Вздрагиваю всем телом, услышав неспешные шаги по направлению ко мне, и заставляю себя встать. Я не хочу, чтобы кто-то видел меня такой размазней, побитым котенком, брошенным в одиночестве.

Мне однозначно стоит войти в зал собрания психологической поддержки. Но я не могу.

Через стекло наблюдаю за незнакомыми людьми, которые наверняка сейчас по очереди рассказывают психиатру о своей травме или душевном потрясении. Здесь все, как и я, потеряли близких. Или себя.

Но я не знаю, что здесь делаю. У меня язык не повернется рассказать все, через что я прошла. Я ненавижу плакать, когда кто-то смотрит или находится рядом.

Никто и никогда не увидит моих слез.

Мне нужно отсюда уйти, я скорее умру, чем кому-либо расскажу о своих чувствах. Озвучить их — все равно что предстать жалкой, ничтожной и слабой перед толпой неизвестных лиц и перед самой жизнью. Озвучить их — означает признать потерю, сдаться. А я не могу сдаться, как мои родители. Не могу позволить себе быть слабой.

Набрасываю капюшон толстовки на голову и порываюсь в сторону выхода из клиники, но не тут-то было: мое плечо вдруг оказывается в твердом мужском захвате. Душа устремляется в пятки, сердце переходит на бег. Какого черта меня лапает незнакомец?

Добавьте к этому неприятный факт: незнакомец в психиатрической клинике. Мало ли сколько здесь душевнобольных ублюдков.

— Уже уходишь? — Мужчина удерживает меня на месте, нарушая абсолютно все мои личные границы.

Резко задираю голову, отчего капюшон слетает с моей головы, и анализирую внешность незнакомца. Но он мне знаком.

Он один из них.

И пусть я не помню, как его зовут, но совершенно точно знаю, что он принадлежит к семерке дьявольских ублюдков из YALE.

Точнее, теперь уже шестерке.

Самый главный ублюдок трагически погиб почти сразу после суда. Его имя — Кэллум Торнтон. Ему поклонялся весь университет, а все окружающие были его подданными.

Насколько помню, тот, что передо мной, был самым адекватным из ублюдков. Заостренные маскулинные черты лица смягчают круглые очки. Губы молодого мужчины сжаты в тонкую линию. От его темно-зеленых глаз расхо-

дятся «доброжелательные морщинки», но кажется, что он больше похож на волка в овечьей шкуре, чем на святого отца, пришедшего успокоить мою душу.

— Да, ухожу. Не трогай меня, — пытаюсь пресечь беспардонное поведение бывшего сокурсника по институту.

Сокурсник — громко сказано: я младше него лет на пять или даже семь.

«Дьявольская семерка» — так все их называли. Они были старшекурсниками и заканчивали магистратуру, когда я только поступила на первый курс Йельского университета. Их громкая слава разлеталась за ними шлейфом интриг, сплетен и тайной грязи. Для образовательного комитета они были представителями студенческого тайного братства — обычное дело в университетах «Лиги плюща». Члены подобных братств в дальнейшем часто становятся президентами, политиками и прочими крупными фигурами в мире власти и денег. Для всех остальных — зачинщиками развратных вечеринок, на которых творилось дьявол знает что, и мне очень жаль, что мне довелось попасть на одну из них и увидеть то, что видеть не стоило.

И пришлось заплатить за это.

— Узнала меня? — пытаюсь казаться доброжелательным, он раздвигает губы в фальшивой улыбке.

Хотя, быть может, это лишь мое искаженное восприятие? Я сейчас в столь подавленном состоянии, что у меня параноя. Мир явно настроен враждебно по отношению ко мне или кажется мне таким.

— Ты тоже учился в YALE. По-моему, мы пересекались на лекциях по философии или психологии. — Приходится поднапрячь извилины, чтобы вспомнить.

— Ага. Тот самый парень, которого ты отшила, когда я пригласил тебя на бал в честь окончания семестра. —

Он подмигивает, играя бровями, поправляя пшеничного цвета волосы.

Они довольно длинные, он мог бы собрать их в хвост на затылке. Именно так он делал, когда мы учились вместе.

— Прости. Во время учебы мне было не до романов.

Начинаю снова напрягать мозг, вспоминая детали студенческого прошлого. Кажется, его зовут Грант.

Мне и сейчас не до романов. Времени после отчисления прошло не так много, но за три года я успела потерять трех близких людей и диплом университета мечты. А теперь почти потеряла себя.

Я на грани. В полнейшем отчаянии. На чертовом моральном дне.

— Не трогай меня, — напоминаю, кидая выразительный взгляд на крупную руку, до сих пор крепко сжимающую мое плечо.

— Прости. Я был так удивлен, увидев тебя здесь, что переборщил с напором, — немного смущаясь, откликается парень, и мне начинает казаться, что он не настолько ужасен, каким я его запомнила. Так, погодите... это тот самый? Самый адекватный из семерки? — Просто я здесь работаю гипнологом и увидел тебя... э-э... в не самый подходящий момент. Подумал, тебе нужна помощь, — вкрадчиво мягким, почти убаюкивающим голосом произносит Грант. У него удивительный голос, которым можно озвучивать книги. Внезапно ощущаю, как ноги становятся ватными. А энергетика, исходящая от парня, вдруг ощущается приятной и вполне безопасной. — Так ты идешь в группу поддержки? Иногда, чтобы полегчало, нужно просто выговориться.

— Я не просила тебя давать мне советы, — огрызаюсь, пряча руки в карманы толстовки. Бывший сокурсник начинает напрягать и казаться подозрительно навязчивым. — Мне нужно идти.

— Я могу тебе помочь. — Он явно хочет вновь схватить меня за плечо, но я останавливаю мистера Назойливость уничтожающим взглядом.

— Да с чего ты взял, что мне нужна помощь?! — психую. — Себе помоги!

Во мне слишком много агрессии. Еще чуть-чуть, и я начну налетать на прохожих с рвением борца, дорвавшегося до боксерской груши.

— Я знаю, что произошло. Все читают новости, — Грант понижает голос до шепота, слегка озираясь по сторонам. — Твое фото было во всех статьях. Страшная трагедия, сочувствую тебе.

— Мне не нужно твое сочувствие, — вновь занимаю оборонительную позицию, скрещивая руки на груди, — ты мне никто, чтобы я обсуждала с тобой личные темы. Я даже не помню твоей фамилии.

— Грант Монтгомери. А ты — Аврора Хейз.

— Допустим, Грант. Привет, Грант, — бросаю с легкой издевкой. — И пока, Грант, — пытаюсь развернуться к нему спиной, ставлю окончательную точку.

— У меня есть предложение, которое решит твои проблемы.

Я резко останавливаюсь, возводя глаза к небу. Мои проблемы решит только Господь, если вдруг соизволит вернуть мне все потерянное. Лиаму. Маму. Папу. Мечту — ведь из Йеля меня беспощадно вышвырнули.

— Я же сказала, что мне не нужна помощь. И у меня нет никаких проблем. По крайней мере тех, что тебе под силу решить.

— Тебе не нужна финансовая помощь?

— Нет, — твердо чеканю, но это стоит мне невероятных усилий.

Кому в этом чертовом мире не нужна финансовая помощь? Учитывая, в какой я ситуации, уже завтра мне нужно искать вторую работу. Я совсем одна и недавно

стала совершеннолетней. Едва ли мне светят пособия по потере кормильцев.

— Я знаю, что произошло. — Ужас на мгновение сковывает мое сердце. А в глазах Гранта пляшут лукавые искры, и наш разговор все меньше кажется мне случайным. — Все читают новости. Я узнал твою фамилию и не смог пройти мимо. Ты — дочь одного из уважаемых профессоров нашего университета. Я знал твоего отца, он принимал у меня очень важный экзамен. Думаю, он не похож на человека, кто может покончить с собой...

— Я тебя не знаю и не собираюсь обсуждать с тобой свою семью. — Все еще не понимаю, какого черта до сих пор не послала Гранта в ближайшую преисподнюю.

Кого я обманываю? Знаю. Прекрасно знаю. Грант — один из семерки дьявольских наследников. Один из них стал бы моим личным палачом, если бы был сейчас жив.

Кэллум Торнтон.

— Я здесь, чтобы помочь тебе, — вновь и вновь повторяет гипнотизер одну и ту же фразу, словно от этого она проникнет в мой мозг и внушит, что мне действительно нужна помощь.

— Мне. Не нужна. Помощь!

— Деньги нужны всем. Особенно юным девушкам, оставшимся без опоры под ногами.

— Давай сразу к делу. Что ты от меня хочешь?

Грант хмурится и несколько секунд разглядывает меня сканирующим взором. Он чем-то обеспокоен: очевидно, расстроен, что его так называемый гипноз не сработал. Шарлатан чертов. Гипнотизер, мать вашу. Смешно.

— Ты, наверное, знаешь, что у тебя интересная внешность, — ставит мне оценку Грант. — Не классическая красавица, но в тебе что-то есть. — Все внутри меня вспыхивает, когда я отслеживаю его жалкие манипуляции. — Полагаю, именно это ты чаще всего и слышишь

о себе. У тебя цепляющие черты лица, хоть они и далеки от совершенных.

— Хочешь, чтобы я и против тебя дала показания в суде? А я подам. За оскорбления из уст человека, который считает себя начинающим психиатром.

— Не стоит мне угрожать, Ава, — мягко отвечает Грант. — Я тебе не враг. Ты и сама знаешь, что я был самым святым из них.

Это правда. За Грантом нет плохой славы. На нем самом жестко ездили, поскольку он был тем еще прыщавым зубрилой. К слову, сейчас его кожа чиста, словно он все эти три года пил магическое зелье, избавляющее от адского акне. И пусть его внешность далека от образа «типичного ботаника» и ближе к «интеллектуальному Казанове», я все равно не чувствую и толики той смертельно опасной энергетики, которая всегда исходила от Кэллума Торнтона.

Среди дьяволов и их грехов он был долбаным идиолом, которому они поклонялись.

— Что ж, предлагаю тебе направить твою внутреннюю праведную святость на благое дело — помощь людям, которые реально в этом нуждаются. И запомни: если ты хочешь понравиться девушке, комплименты из серии «ты красивая уродина» не работают.

— Хорошо, сдаюсь. — Грант усмехается и раскрывает ладони, разводя их в стороны. — **Твоя сестра так не ломалась.**

Сердце пропускает удар, земля вмиг уходит из-под ног. На какие-то доли секунды мне кажется, что я ослышалась.

— Ты... ты что-то знаешь о Лиаме? — голос скрипит, становится чужим и незнакомым, слезы душат, а кислород становится ядом.

Чувствую себя так, словно Грант одним лишь упоминанием о сестре вырвал часть моего сердца, оставив внутри зияющую рану. Снова. Я скучаю по ней каждый день, ка-

жду минуту. Даже по нашим глупым ссорам... Я отдала бы все, чтобы вернуть их хоть на мгновение.

И больше не умирать каждый день от чувства вины.

— Не так много. Я знаю круги, где пользуются услугами, которые она предоставляла, — откровенно намекая на то, что Лиамы занималась чем-то постыдным и грязным, произносит Грант. — Я о контент-услугах, разумеется. Ты могла бы хорошо зарабатывать, также создавая фото-контент. С твоей фигурой даже лицо не имеет значения, — настойчиво самоутверждается Грант, продолжая оценивать мою внешность. — Вот, держи. Это небольшой подарок от организаторов, твоих потенциальных работодателей. — Он протягивает мне странный футляр, напоминающий коробку для украшений. — На обратной стороне указан мой номер. Если надумаешь присоединиться, просто отправь на него сообщение «Я в игре». Но твое время ограничено, — ленивым взором он опускает взгляд на свои смарт-часы, — до вечеринки-посвящения остается всего три дня. Потом не будет возможности попасть туда, — выдает в лоб так откровенно и бесстыдно, что я теряюсь от подобного предложения.

Думала, девушек зазывают в индустрию через социальные сети или обманными путями.

— О чем ты? Проституция? Эскорт? Онли фанс *?! Что это? Что ты знаешь о Лиаме? Где она?! — Несвязный поток вопросов пульсирует в голове, ладони потеют — с тех пор как он намекнул, что может знать о Лиаме хоть что-то, я потеряла способность трезво мыслить.

Родителей не воскресить. Видела, как их тела ушли под землю. Но Лиамы... Лиамы просто уехала и не вернулась. Перестала выходить на связь и сделала все, чтобы ее не искали. Я живу надеждой на то, что она жива.

* OnlyFans — это платформа подписки на контент, которая позволяет размещать контент для взрослых и зарабатывать деньги.

— Я ничего не знаю о ней, — с неохотой протягивает Грант, и почему-то это звучит искренне. — Сказал, чтобы зацепить тебя и обратить внимание. Считай, надавил на болевую точку. Твоя сестра, судя по социальным сетям, жаждала красивой жизни и богатого папика. Ее заманили к шейхам на заработки, а там... там все просто. Либо взяли в рабство, либо она вышла замуж. Я в этом не замешан. Я предлагаю совсем другое. А что именно, узнаешь, если отправишь сообщение и успеешь на посвящение.

— Не похоже, что «другое». Что конкретно ты мне предлагаешь?

— *Возможность снова почувствовать себя живой, Аврора.*

Понятия не имею, откуда он все обо мне знает.

Вчера, засыпая и задыхаясь от беззвучных слез, я просто шептала, уставившись в потолок: «Я хочу просто почувствовать себя живой».

— Что это, черт возьми, значит?

— Я не собираюсь объяснять. Это не в моей компетенции. В мои задачи входит лишь предоставление возможности и передача... приглашения. — Грант многозначительно косится на коробку, которую я уже ненавижу.

Но давайте признаем честно: когда вам в руки дают черный футляр, ставлю на то, что вы будете умирать от любопытства, гадая, что внутри.

— Ты просто шестерка какого-то сутенера. Передай своему боссу, что ему стоит искать проституток на специальных сайтах, — демонстративно швыряю футляр в мусор, поймав на себе пронзительный и недовольный взгляд Монтомери, который вмиг меняется в лице. — А ведь ты был одним из семерки, хоть и не самым крутым из них. Но вас боялись, — сделав шаг вперед, ментально бросаю ему вызов, — перед вами трепетали. И поклонялись вам. История знает много случаев, когда члены дьявольской семерки становились мэрами, главами спецслужб и пре-

зидентами страны. Но то были другие времена. Сейчас вы опустились до уровня сутенеров, торговцев запрещенкой, психиатров... кого там еще? Вы так и не выросли из своих игр. А вот я рано повзрослела. Мне пришлось. Всего хорошего, Грант, — не позволяя ему ответить, разворачиваюсь и направляюсь к выходу из клиники.

Вот так. Проблема странного разговора решена легким движением моей руки и ударом черной коробочки об дно мусорного бака. И мне плевать, что там, в футляре, хоть миллион долларов. Никакие деньги мира не заполнят дыру размером с Сатурн в моей груди.

Противоречивые эмоции захлестывают меня, накрывают лавиной, проворачивают в десятибалльном торнадо.

Кэллум Торнтон — мой личный ад, и пусть он явно уже находится в пекле, получить весточку от кого-то, кто был его другом, — такое себе событие. До мурашек по коже.

Очухиваюсь на тяжелом выдохе, осознав себя уже за рулем своей старенькой, но резвой «Тойоты». Мчусь по скользкой трассе, вцепившись в руль. Дождь хлещет как из ведра, дворники едва справляются с напором ливня. Атмосфера вокруг напоминает декорации к фильму «Сумерки», но, к сожалению, моя жизнь — не съемки, а ужасающая реальность. Мысли о произошедшем в клинике обнажают нервы, превращая их в оголенные провода, в беспорядочном танце заискрившие в голове.

Сердце подскакивает, а меня вмиг заносит на встречную полосу. Слишком сильно разогналась. Резко выворачиваю руль, чуть не врезавшись в грузовик, выскакивающий из дождя и тумана, словно чертов Джек из коробки*.

Сердце колотится как бешеное, когда я паркуюсь на обочине. Руки дрожат вместе с рулем, а мысли захватывают воспоминания о том, как мы с Лиамой ездили на природу. Хайкинг по лесам и гористым местностям был

* Американский аналог фразы «черт из табакерки».